

О ПОЭТИКЕ ЭПИГРАФА В РУССКОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ УЗБЕКИСТАНА

Мадярова Насиба Адхамовна,

*Андижанский государственный институт иностранных языков,
доктор философии по филологическим наукам, доцент,
Заведующий кафедрой теории русского языка и переводоведения
E-mail: nasiba1701@mail.ru
Республика Узбекистан, г.Андижан*

Аннотация. В данной статье на примере русскоязычной литературы Узбекистана рассматривается роль и возможности эпиграфов, автором предлагается тип анализа по модели «от формы к содержанию» на основе сильных позиций текста

Ключевые слова: ценностные формальные ориентиры текста; проза; эпиграфы; сильные позиции текста; структура художественного текста; русскоязычная литература Узбекистана.

Введение

Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста – универсальный инструмент во всесторонне-целостном анализе текста: оно позволяет не просто описать или раскрыть ранее неизвестные грани творчества и связать их с текстом произведений, но и создать специфичную модель-формулу, отталкиваясь от которой, мы можем полноценно представить себе специфику поэтики того или иного писателя. Переход от формы к содержанию позволяет выявить глубинные смыслы текста, именно глубина дискурса определяется необходимым количеством объяснительных трансформаций для однозначной интерпретации текста. Прототипным глубоким текстом является универсальное автосемантическое высказывание-сентенция, афоризм, пословица. Глубина текста является сигналом для адресата: нужно перейти к внимательному осмыслению сообщаемого.

Обратим внимание на следующий тезис: «В каждом мельчайшем элементе поэтической структуры, в каждой метафоре, в каждом эпитете мы найдем химическое соединение познавательного определения, этической оценки и художественно-завершающего оформления» [5,48].

Именно когниция (познание, размышление) – как центральное понятие всех когнитивных наук позволяет нам выйти на новый уровень прочтения текста и завершить его «художественное оформление». «Передний», видимый план – это форма (заглавия) «задний» план – содержание и смысл. Промежуточным звеном между ними, или даже проводником, мы можем назвать категорию «эпиграф».

Основная часть

При анализе поэтики эпиграфов в русскоязычной прозе Узбекистана (на примере творчества В.Г.Яна) мы выделяем данную категорию, как сильную позицию текста и при помощи детального разбора можем говорить о новых потенциях эпиграфа. Так, например, в исторической трилогии автора, мы сталкиваемся с таким эпиграфом: «Вперед, крепконогие кони! Вашу тень обгоняет народов страх», здесь – новое в значении «недостаточно знакомого, малоизвестного» раскрывает специфику использования автором эпиграфа, взятого из данной монгольской народной песни [2, с.45]. «Море» для монгольской национальной картины мира является несвойственным географическим пространством, для поиска и исследования которого нужен верный друг и проверенное средство передвижения. Конь, как идеальное для данного рода занятия животное, друг, мудрый советник и средство передвижения, на страницах романной трилогии, представляет собой экзистенциально важный элемент-первооснову, сквозь призму которого герои видят мир (концепция «Мир глазами коня»). Так возникает новый образ и сюжетобразующий элемент в динамичном пространстве категорий «заглавие» и «эпиграф» – концепт «Конь».

Конь – мифопоэтизированное животное, средство преодоления, измерения и изменения пространства. Так, например, в главе «По следам коня» мы вновь сталкиваемся с принципом «от части – к целому»: мы видим лишь часть – «след» коня и идем по нему, в поисках «целого» коня и его наездника – человека. Человек же, герой в повествовании, может стать «цельным» и обрести себя только благодаря (Благо, даря – М.Н.) коню. Найти коня означает найти нужного для себя человека, обрести счастье и душевный покой. Героев узнают не по их внешнему виду, а по масти их коня. Например, «...такой вороной конь, мог быть только у бесстрашного степного джигита...».

Поэтому в живой ткани прозаического текста В.Г.Яна постоянно возникает специфическая космическая связь между жизнью коня и судьбой героя. Эту связь мы прослеживаем в главе «Белый конь». «Белый конь» – это конь-мечта, конь-цель, он герой-обитатель «небесного» пространства.

С образом белого коня связано архаически-первозданное миромоделирование и мировосприятие героев, являющихся носителями не только монгольской, но славянской (русской) и восточной (тюркской) национальной моделей мира. Именно на белом коне за войском Чингиз-хана и Бату-хана, по их мнению, и по предсказаниям шаманов, несется над войском непобедимый, авторски интерпретированный мифологический Бог войны Сульдэ, приносящий радость и удачу в завоевании новых, неведомых пространств. Конь, являясь героем- «небожителем» превращает и человека в часть «небесного пространства», в часть живой природы, это отражено в

эпиграфе к главе: «...Легко несется его конь,/ На полсажени быстрее мысли тот конь,/ На сажень – быстрее ветра...» (Поэма «Джангар»).

В этом эпиграфе мы сталкиваемся не просто с описанием и воплощением активного действия («несется», «быстрее») – мы вновь прослеживаем принцип «от формы – к содержанию» (ветер (внешнее, конкретное) = мысль (внутреннее, абстрактное). Даже «мысль» как абстрактный, психо-физиологический процесс медленнее по сравнению с движением, динамикой коня [2, с.89]. Внешне выраженная и конкретно обозначенная природная стихия воздуха, переданная в тексте посредством динамичного потока ветра, также уступает быстроте коня. Кроме этого, в текстовом пространстве прозы В.Г.Яна мы обращаем внимание на главу «Укрощение дикого коня». Автор под укрощением понимает не только дрессировку или повиновение животного (коня) человеку: «укрощение» в контексте главы – это «очеловечивание» коня.

Здесь между конем и человеком устанавливается «симпатическая связь», происходит трансформация пешего во всадника, изменение мировидения героя, переход на качественно новый уровень мышления – мышления «человекоконя», перевоплощающегося в дальнейшем, в «Восточного кентавра». В качестве яркого примера именно «симпатической связи» между человеком и конем выступает эпиграф к главе «Хорезм-шах нигде не находит спокойствия»: «Когда человек падает духом, то его конь не может скакать».

В основе эпиграфа – восточная пословица, раскрывающая связь человека и коня. Здесь, дух (душа) человека приравнена и соразмерна с духом (душой) коня. Если человек пал духом, сдался и не смог противиться судьбе, бороться и стремиться к Высшей цели, то и его второе «Я», находящееся в структуре образе коня не может продолжать свой путь, «скакать»/«нестись». В другом примере, в эпиграфе к главе «Битва при Синде» мы читаем: «Не буду звать тебя конем, буду звать тебя братом. Ты мне лучше брата». Фраза, взятая из древнего эпического произведения – памятника о жизни группы тюркских племен – огузов «Китаби-Деде-Горкуд», что в переводе дает «Книга моего деда Коркуда», указывает не только на глубокое знание автором древних памятников тюркских племен, но и на его умение использовать ключевые мотивы. Здесь мифопоэтическая бинарность/оппозиция «человек-животное» указывает на глубокую связь между человеком и конем.

В главах «В саду опального принца» и «Поход в кипчакскую степь» мы также встречаем аналогичные эпиграфы: «Вот конь, и вот мое оружие! Они заменят мне пир в саду» (Ибрагим Монтесер X в.); «Афрасиаб воскликнул: «Я иду в поход! Покрасьте хенной хвост моего коня!» (Из древней персидской песни). Рассмотрение эпиграфов, связанных не только напрямую с макроконцептом «Пространство», но и с его незаменимой «живой» животной частью – конем предполагает и наличие такого, ранее обозначенного, компонента, как хронотоп «пути» (дороги). Так, в эпиграфе к главе «Шахский летописец» мы читаем: «...Он

направился ко мне, несмотря на далекое расстояние наших жилищ, долгий путь и ужасы дороги» (ИбнХазм XI в.).

В главе идет речь об ученике лучшего из придворных летописцев Мирза-Юсуфа – дервише Хаджи Рахиме, который возвращается после долгих скитаний на Родину. Так, индивидуально-авторский художественный концепт «Дервиш» почти не реализуется в категории эпитафий. В этом есть своя логика – он связан с жанровой спецификой исторического повествования В.Г.Яна. Именно поэтому в заключительной книге «К «Последнему морю» появляются пометки «Из путевой книги Хаджи Рахима», где «путевая книга» – есть указание на особенности жанровой принадлежности. Эпитафии-перемины – это наиболее часто встречающийся в тексте прозы В.Г.Яна тип эпитафий. Малый фонд, малые жанры устной народной мудрости (поговорки, устойчивые выражения, крылатые слова «из народа» и т.д.), так и «авторские» поговорки, встречаются как в главе «Джелаль Эд-Дин вызывает на бой Чингиз-хана», так и в других. К ним мы относим эпитафии: «Пока не рассыплешь зерна, не снимешь жатвы, пока не рискнешь жизнью, не победишь врага»; «Не стреножимши добрых коней, не пускайте в степь, не поставимши дозоры, не ложитесь спать» (глава «Битва»); Не говори, что силен, – нарвешься на более сильного. Не говори. Что хитер, – нарвешься на более хитрого» (Киргизская поговорка) (глава «Ночная беседа шаха с послом «Служба царям имеет две стороны: одна – надежда на хлеб, другая – страх за свою жизнь» (Саади XIII в.) (глава «Утро во дворце» »); «Не надо говорить плохо ни про кого в его отсутствие, ибо земля может передать ему все это» (Восточная поговорка) (глава «Что посол рассказал о Чингиз-хане»).

Обратим внимание и на тот факт, что абсолютно созвучные мотивы мы находим и в основном тексте произведений, например, в таких текстовых фрагментах, как: «...И стены имеют уши, земля повторяет сказанное...» или же «...Тс! Молчи! Часто и деревья имеют уши!»

Заключение

Активное распространение в последние десятилетия направления когнитивного литературоведения [1, с. 34-35] в основе которого лежат идеи о реконструкции текста [2, с.38] , восполнении его с помощью минус-приемов³ , с выявлением «подводных течений» [4, с.18] , а также использование методик моделирования текста «от гармонии к хаосу и обратно» [5, с.67] позволяют говорить о междисциплинарных способах анализа текста.

Это своеобразная система быстрого и точного определения особенностей авторского текста: математический подсчет на уровне частотности повторений образов, а шире – концептов и их включение в контекст художественного наследия писателя, позволяет говорить о наличии или отсутствии направленности авторской мысли на тот или иной мотив, тему, идею, а в конечном результате – концепт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космос кочевника. – М.: Логос. 2002. – С. 27-35.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок.57000 слов. – 20-е издание, стереотипное. – М.: Русский язык. 1988
3. Ян В.Г. Собр. сочн. В IV т. Т II. – М.: Правда. 1989.– С. 316. 43
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космос кочевника. – М.: Логос. 2002. – С. 27-35
5. Жирмунский В. Введение в изучение эпоса «Манас». – Бишкек. 2002. – С. 36.